

М. В. Подручный, ассистент

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИЗУЧЕНИЯ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

The article considers with interaction of concepts and principles biological evolution theory with common cultural ideas of biosphere, a noosphere, co-evolution. Being biological by origin, connected with studying of joint evolution of various biological objects and levels of their organisation, the concept co-evolution is nowadays included (in discussion of extremely wide questions of life of mankind). Co-evolution the nature and a society is an area of research which any more is not actually natural-science. If theoretical participation of biology in studying coevolution involuntarily there is a question on transformation of evolution knowledge in biology, on change of a subject of evolutionary biology and occurrence of new approaches to a development problem is found out. The article is devoted to the analysis of methodological grounds of new synthesis and reconstructs the theoretical presuppositions forming of theory of social evolution, exposes narrow-mindedness of sociobiology paradigm.

Введение. Основные идеи, понятия биологического эволюционизма давно стали достоянием общей культуры и используются в самых различных областях научного знания. В статье будет рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции. Будучи биологическим по происхождению, связанным с изучением совместной эволюции различных биологических объектов и уровней их организации, понятие «коэволюция» ныне включено в обсуждение предельно широких вопросов бытия человечества. Коэволюция природы и общества – это область исследования, которая уже не является собственно естественнонаучной. Если обнаруживается теоретическая причастность биологии к изучению коэволюции, то невольно встает вопрос о трансформации эволюционно-биологического знания, об изменении предмета эволюционной биологии и возникновении новых подходов к проблеме развития.

Основная часть. Общеизвестно, что теоретический каркас системы биосферных наук заложен творчеством В. И. Вернадского. Для того чтобы увидеть место эволюционной биологии в этой системе наук, необходима, прежде всего, определенность в понимании ключевого понятия – понятия «биосфера». В. И. Вернадский говорил о биосфере как о «естественном теле», о «монолите», вбирающем в себя всю совокупность живого вещества планеты [1, с. 29–30]. Очевидно, что и человек как живое существо включен в биосферу, понимаемую в качестве природно-биологического образования. В таком случае антропогенные факторы эволюции биосферы становятся в один ряд с другими природными параметрами, что и реализуется в эмпирических исследованиях. Чрезвычайно существенно, что начало ноосферы отсчитывается с того момента, когда появился разум, когда с появлением цивилизации на Земле биосфера стала природно-социальной системой. Таким образом, биосфера – это дву-

компонентная система, объединенная процессом коэволюции природы и общества.

Понимание биосферы как системы «Природа – Общество» ставит биологический эволюционизм лицом к лицу с общественными науками. Теоретическое освоение процесса коэволюции возможно лишь в новом, еще не созданном, теоретическом пространстве, объединяющем «две культуры» – естественнонаучную и гуманитарную. Это идеал консолидации двух типов разнокачественного знания, пути достижения которого пока трудно представимы. Поэтому благом является даже некая переключка идей, движение навстречу друг другу в использовании «чужих» понятий, норм знания, в заимствовании манеры, стиля мышления. Методологический анализ такой переключки идей составляет одно из важнейших современных направлений в философии науки.

Когда биологический эволюционизм ставится в контекст исследования коэволюции, то самой трудной проблемой для него оказывается проблема человека. Его уже нельзя рассматривать лишь как природно-биологическое существо, как это было допустимо в первом случае интерпретации биосферы. Система «Природа – Общество» по сути является системой «Человек – Природа – Общество» – настолько важна во всех этих взаимосвязях активная роль человека. Это обстоятельство в общем виде понималось социобиологами, когда при создании своей концепции генно-культурной коэволюции они уделили серьезное внимание «новой науке о человеке». Плодотворной является и мысль о том, что в изучении коэволюции никак не обойтись без выделения неких инвариантов, которые позволяли бы сопоставлять, соотносить коэволюционирующие стороны, сделать это соотношение предметом конкретного научного познания. Отсюда увлечение социобиологов так называемыми эпигенетическими правилами, якобы направляющими процессы трансляции от генов к культуре и наоборот [2, р. 4–8].

Однако культура осталась без инварианта. Его поиски в сфере когнитивной психологии

затрагивают лишь один из уровней социального бытия человека. Что же касается природной компоненты коэволюции, то она интерпретируется в духе сведения эволюционно-биологических проблем к генетике. Выделение гена в качестве инварианта одной из сторон коэволюции оказывается не подкрепленным ни современным научным знанием, ни современной методологией биологии, не принимающей редукционизма. Но социобиологическая модель генно-культурной коэволюции представляет собой интересный теоретический эксперимент.

Остановимся еще на одной идее, достойной дальнейшей разработки. Выступая последовательными энтузиастами проникновения эволюционно-биологического подхода в проблему человека, социобиологи фактически описывают важнейшую дилемму в понимании динамики коэволюции. Эта динамика описывается, как правило, двумя способами: либо человек статичен, а общество динамично, следовательно, ответственно за всю динамику коэволюции; либо, наоборот, человек динамичен, а общество довольно устойчиво в своих основных характеристиках и совокупностях социальных институтов. Вторая позиция как раз ближе социобиологам, постоянно утверждающим, что анализ культуры мало что дает для понимания человека. Действительно, если мы говорим о коэволюции и о человеке как ее «кванте», как о важнейшем ее действующем лице, то никак не уйти от вопроса – прекратилась ли биологическая эволюция человека в условиях созданной им цивилизации? Э. Уилсон считает, что основные ментальные характеристики мозга могут даже продолжать свое развитие в исторические времена. Это утверждение противоположно точке зрения, разделяемой многими, что такая биологическая эволюция прекратилась 10 000 лет тому назад и что изменение человека состояло с тех пор исключительно в его культурной эволюции. Э. Уилсон даже предлагает «тысячелетнее правило» для генетической эволюции мозга – во время существования 30–40 поколений людей вполне могут «уместиться» некие изменения биологии человека [3, р. 41–44]. Очевидно, что до таких правил еще далеко, но сама идея о продолжающейся эволюции природно-биологического субстрата кажется плодотворной. Целый ряд авторов называют этот поистине коэволюционный процесс биосоциальной эволюцией человека. «Очеловеченные» стороны функционирования, взаимной корреляции, регуляции различных систем человеческого организма уже сегодня становятся предметом исследования специалистов в области генетики человека, экологии человека, этологии человека.

Для включения философского знания в теоретическое обоснование подобных научно-

исследовательских программ важен уже сам факт существования в них задач изучения, восприятия и оценки происходящих экологических изменений, формирования общественных процессов, стиля жизни и качества жизни в условиях экологического кризиса. Человеческое измерение экологических ситуаций предполагает широкое использование результатов социальных наук и тем самым как бы переводит теоретические размышления о природоохранной деятельности, о природопользовании в более широкий контекст изучения коэволюции.

Если изучение и даже широкое публичное обсуждение проблем биосферы, экологии, коэволюции ориентировано на практику жизни, то идея глобального эволюционизма по определению носит мировоззренческий характер.

Очевидно, что проблемы глобального эволюционизма, обращение к космическому измерению земной жизни, включая человека, неизбежно порождают философское размышление, активно подключают мировоззрение ученого, обсуждающего эти проблемы. По мнению ряда теоретиков, главная идеология, способная преодолеть традиционный разрыв двух культур, естественнонаучной и гуманитарной, заключена в представлении о едином мировом процессе самоорганизации. Этот процесс может быть назван универсальным, или глобальным эволюционизмом, поскольку охватывает все существующие и мыслимые проявления материи и духа. Остается лишь не совсем ясным, какие же универсальные закономерности самоорганизации должен иметь в виду биолог, физик, геолог, историк, философ, культуролог, этнограф и т. д., чтобы добиться взаимопонимания. Для биологии проблема самоорганизации давно столь же кардинальна, как и проблема эволюции. К тому же эти два тренда биологических исследований всегда конфликтовали. Что же касается необратимости времени как важнейшего положения синергетики, то «возраст» этой идеи в биологии придется отсчитывать скорее всего от Аристотеля, создавшего первую «лестницу существ». До настоящего времени ни одна наука о природе не прониклась так глубоко идеей необратимости времени, как биология. Появление нового качества и случайный характер его «канализованности» изучается на разных уровнях организации с достаточно несовпадающими результатами относительно причинных механизмов.

На протяжении всей истории развития Вселенной непрерывно усложняется организация материи. Природа как бы запасла определенный набор возможных типов более или менее стабильных организационных структур, и по мере развития единого мирового эволюционного процесса в нем задействуется все большая доля этого запаса. Растет не только сложность, но и разнообразие существующих форм

организации как косного, так и живого вещества и – что очень важно – организационных форм общественного бытия. На биологическом языке такой способ объяснения развертывания процесса всегда назывался преформизмом. Но когда он процветал, то был и ответ на вопрос «откуда» – от Бога как создателя плана строения всех тварей земных. Каким же образом сегодня объяснить «начало порядка», переход от хаоса к порядку, да и было ли такое состояние Вселенной, когда был один хаос? Если да, то откуда взялась самоорганизация? Если нет, то как быть естествоиспытателю с той «дурной бесконечностью», которая возникает при желании проследить эволюции самоорганизации? Таким образом, оценка синергетики требует философской рефлексии. В научном плане синергетика несравненно доказательнее, но она опять же безжизненна и бесчеловечна, встраивая человеческое существование в картину мира ровно таким же образом, как это происходило во времена господства ньютоновского мировоззрения. Сохраняется основная логика «встраивания»: если наука доказала универсальность процессов самоорганизации, если это свойство можно считать фундаментальным для всех материальных систем, то это значит, что человек и созданное им общество могут быть поняты на основе концепции самоорганизации.

Целостность человеческого организма, как и любого другого живого существа, есть продукт эволюции, а биологическая эволюция не сводится лишь к аспекту самоорганизации. Но проблемы организации полностью не совпадают со всем объемом общебиологических проблем. Простые примеры «комфортности» жизнепроявления низкоорганизованных существ показывают относительность понятий «простое» и «сложное», «низшее» и «высшее». Как бы жизнь ни была схожа с неживой материей по тем или иным параметрам, в ее исследовании точными методами постоянно сохраняется «остаток», необъяснимый с их помощью.

Безусловно, синергетика дает стимул для развития биологического знания, концепции глобального эволюционизма, построенной на понятии самоорганизации. Однако при одном неперемennom условии – если не рассматривать биологический эволюционизм в качестве лишь составной части новой концепции самоорганизации. Во-первых, синергетический подход позволит преодолеть неразвитость теоретического знания в биологии, ассимилировать принципы нелинейности, вероятности, а также новых подходов к элементарности и т. д.

Во-вторых, выдвижение понятия самоорганизации в качестве основного в идеологии гло-

бального эволюционизма созвучно новым методологическим тенденциям в биологии, связанным с переосмыслением роли организации. В настоящее же время системно-структурный подход все больше консолидируется с историческим, эволюционным.

Вместе с тем, концепции глобального эволюционизма затрагивают такой круг вопросов, который имеет непосредственное отношение к эволюционной биологии. Так, в современной биологической литературе придается большое значение разведению понятий «канализованности» (development) и собственно «направленности» (evolution). Дело в том, что первое понятие относится к более локальным событиям и успешно используется в биологии индивидуального развития либо при изучении отдельных этапов эволюции. Второе понятие имеет дело с более принципиальными вопросами об универсальных характеристиках эволюционных процессов (проблема универсального понимания направленности и необратимости времени, роль отбора структуры, формы, соотношение случайного и необходимого в развитии).

В концепциях глобального эволюционизма «направленность» связана с определенной картиной мира, с достаточно осознанными философскими предпосылками исследования. Очевидно, что биологический эволюционизм, обсуждаемый в широких масштабах глобального эволюционизма, обретает новые стимулы для прояснения своих ведущих понятий.

Заключение. Главная цель сказанного в статье состоит в том, чтобы разрушить привычные представления о способах проникновения идей биологического эволюционизма в культуру, в обсуждении актуальных общенаучных и даже общечеловеческих проблем. Происходит вовсе не простое использование понятий эволюционной биологии, но поистине творческий процесс их переосмысления, в равной мере плодотворный как для биологии, так и для других наук, «подключенных» к проблемам коэволюции Человека, Природы и Общества.

Литература

1. Вернадский, В. И. Проблемы биогеохимии / В. И. Вернадский // Труды биогеохим. лаб. – М. – Т. 16. – 260 с.
2. Lumsden, C. J. Promethean fire. Reflections on the origin of mind / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge (Mass), 1983. – 342 p.
3. Lumsden, C. J. Genes, Mind and Culture / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge (Mass), 1981. – 408 p.